ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**Вопросы
истории, международных отношений
и
документоведения**

Выпуск 5

Издательство Томского университета

2010

⁹ Там же. Л. 17.

¹⁰ Там же. Л. 20.

О.А. Заплатина

ФОРТ РОСС: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РУССКИХ КОЛОНИЗАТОРОВ С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ

...Дикие народы
Варварской природы
Сделались многие друзья теперь нам...
Песня начала XIX в.

Основание форта Росс – мероприятие, которое было частью колониальной политики России. Сразу оговоримся, что понятие колонизации – довольно сложное. Существует несколько его определений. В данной работе *колонизация* рассматривается как оседание на заморских территориях мигрантов, которые приносили с собой привычную для них организацию общества, труда и быта и вступали в весьма непростые взаимоотношения с аборигенным населением, находившимся, как правило, на более ранней ступени развития¹. Далее речь пойдет, прежде всего, как раз об этих «непростых взаимоотношениях». Естественно, во время освоения новых земель возникала проблема установления возможно более мирных контактов с местными жителями. Стоит отметить, что именно курс на «сотрудничество» был отличительной чертой русской колонизации. В ходе работы предстоит выяснить, какие обстоятельства определяли такую политику. Рассмотрим в качестве примера историю основания и функционирования форта Росс в Калифорнии.

Для начала несколько слов о целях создания крепости и поселения. В начале XIX в. обострился вопрос продовольственного снабжения русских владений на Аляске. Неприятный климат, дороговизна привозимого из Сибири хлеба, частые крушения судов с продовольствием – все эти трудности подтолкнули Российско-американскую компанию (РАК) к поиску места, «где бы можно было завести свое хлебопашество»². С этой целью были предприняты две экспедиции под руководством служащего РАК лейтенанта Ивана Кускова 1808 – 1809 и 1811 гг.

Используя полученные ими сведения, правитель РАК А.А. Баранов вскоре принял окончательное решение о создании крепости и русского поселения в Калифорнии. Несмотря на то, что испанцы претендовали на господство на этой территории, хозяевами земли были индейцы племени кашайя-помо, у которых земля под Россом и была куплена за три одеяла, три пары штанов, два топора, три мотыги, несколько ниток бус³. Строительные работы начались уже в 1812 г. «ввиду тамошних коренных жителей, принявших наших ласково и не препятствовавших тому водворению»⁴.

Мир и союз с индейцами выступали средством защиты РАК в условиях межгосударственных противоречий (особенно напряженными были отношения с испанцами). В инструкциях Баранова четко просматривается стремление расположить к русским калифорнийским туземцам.

Установленные дружественные отношения следовало закрепить. Это было сделано в 1817 г., когда «сентября 22 дня в крепость Росс явились по приглашению начальники индейцев Чу-гу-ан, Аман-тан, Гем-ле-ле с другими»⁵. Русские выразили благодарность за уступку земли. Индейцам вручили подарки, а главного вождя, на землях племени которого стояла крепость, наградили медалью «Союзные России». Под протоколом беседы подписались только представители русской стороны: Леонтий Гагеймстер, Иван Кусков, комиссионер РАК Кирилл Хлебников и др. На этот документ Российско-американская компания позже часто ссылалась как на договор. В нём сообщается, что вожди «очень довольны занятием сего места русскими, что они живут теперь в безопасности от других индейцев, кои прежде дельвали на них нападения – что безопасность та началась только от времени заселения»⁶.

Действительно, индейцы были заинтересованы в присутствии русских. Они искали их союза и покровительства, были в целом дружественно к ним настроены. Главную роль здесь сыграла агрессивная политика испанцев, которая сделала русских союзниками в глазах индейцев, их возможными защитниками от жестоких набегов. При сложившейся тогда политической обстановке (трения между Испанией и Россией) дружеские отношения были стратегическим преимуществом русских⁷.

Тем не менее, по мнению Н.Н. Болховитинова, не стоит идеализировать русско-индейские отношения на этом этапе. Это было частью политики русских, которые действовали в своих целях. С изменением экономических условий изменились и отношения, легко перейдя в насилие. Труд индейцев вначале был наёмным, и русские платили за него мукой, мясом и одеждой, предоставляли им жильё. Впоследствии из-за ничтожной оплаты индейцы отказывались приходить добровольно. Тогда стали практиковаться «пригоны». Кроме того, были частые конфликты, иногда индейцы убивали алеутов, лошадей, скот; случались и кражи. Виновных арестовывали, а наказанием им были принудительные работы в колонии⁸.

Хотя присутствие русских и сдерживало испанцев, оказать действенной помощи администрация Росса не могла, так как старалась избежать конфронтации с калифорнийскими властями. Она вообще не предпринимала никаких активных действий в защиту индейцев. Ее отношения с коренными жителями фактически так и не стали союзническими. Стремясь сохранить мир со всеми соседями, в конкретных ситуациях Российско-

американская компания отдавала предпочтение отношениям с калифорнийскими испанцами, так как от этих отношений в наибольшей мере зависела безопасность Росса, перспективы расширения колоний, возможность торговли с Испанской (позднее Мексиканской) Калифорнией и промысла калана в ее водах, наконец, престиж компании, в том числе в самой России. Ради этого РАК порой откровенно жертвовала своими индейскими «союзниками». Для русской администрации вопрос о выдаче индейцев, бежавших из испанских миссий к своим сородичам, был предметом дипломатического торга; также испанцами и русскими практиковалась взаимовыдача беглых и пленных.

Тем не менее, между индейцами и русскими, в отличие от других калифорнийских колонистов, практически не было вооружённых столкновений. Хотя надежды индейцев на защиту от преследования испанцами не оправдались, они все же сохраняли лояльность русским.

Совершивший в 1822–1824 г. путешествие в Калифорнию морской офицер, декабрист Д. Завалишин писал: «...мы имеем свидетельство нашего мореплавателя, знаменитого Головина, о том, что испанцы... поступали с индейцами самым жестоким образом, ловили их арканами, как диких зверей, заковывали в железо и употребляли в тяжкие работы... Потому испанцы никуда не смеют идти... без вооружения, потому что в таком случае жители напали бы на них, пойманных непременно всех перебили... часто случалось, что они и вооруженных испанцев убивали потихоньку из-за кустов; напротив того, русские стрелки из селения Росс ходят поодиночке в лес для отстрела диких коз, и даже ночуют у индейцев, без всякого опасения и вреда»⁹.

В 1820-е годы политика РАК в Калифорнии определялась установкой, данной главным правителем М.И. Муравьевым: «Индейцы не есть русские подданные, то и не должно их брать в свою опеку, теперь не время думать об их образовании, а не худо без принуждения пользоваться их трудом, так, что, не навлекая на себя упрека, извлекать из них пользу для компании»¹⁰.

При всей неоднозначности русско-индейских отношений нужно подчеркнуть, что в рассматриваемый период для русских колонизаторов в Калифорнии характерно отсутствие политики насилия по отношению к аборигенам, в том числе насильственной экспроприации их земель и иных ресурсов. Причины этого – заинтересованность РАК в мире с туземцами и пока недостаточно широкое развитие в Россе сельского хозяйства. Численность сторон также определяла взаимоотношения. Русских (вместе с алеутами – индейцами, пришедшими с ними с Аляски) – к 1830 г. насчитывалось не более 200 человек¹¹.

С развитием зернового земледелия в 1820-е годы складывались новые отношения с индейцами. При недостатке рабочих рук они стали источником неквалифицированной рабочей силы для сельского хозяйства. До этого в селении Росс из индейцев были только женщины – сожительницы поселенцев. В начале 1820-х годов индейцы начали приходить в селение для работы и селились там семьями (впрочем, таких было немного). Для них была сооружена небольшая постройка. В конце 1825 г. контора селения Росс доносила: «Индейцы расположены были к русским очень дружелюбно; из них семейств до 20-ти жили безотлучно в селении, а многие приходили временно и всегда с охотой работали». Приход сезонных работников становился обычным. Как сообщал в 1825 г. К.Т. Хлебников, обработка «пашен производится всегда с помощью окрестных индейцев. По первой повестке в горы является до 100 человек дюжих мужчин и все с охотою, а привычные и с великой ловкостью принимают за все работы. За труды их надобно накормить, прилежнейшим же и смышленным выдается иногда рубашка из холстинки и одеяло, или пара платьев». Н.Н. Болховитинов предполагает, что в этот период формировалась прослойка толмачей и бакеров (пастухов) – более или менее аккультурированных индейцев, через которых в основном осуществлялись контакты с живущими вдали группами туземцев¹².

В 1833 г. при колонии насчитывалось 72 индейца (из 293 человек населения). После визита в этом году главного правителя РАК Ф.П. Врангеля был предпринят ряд мер по повышению жизненного уровня всех слоев населения – от русских промышленников до приходящих сезонников-индейцев. Последних предписывалось «довольствоваться... по два раза в неделю мясом...», и вообще стараться улучшить их состояние, насколько возможно. Такое внимание было неслучайным. Индейцы к этому времени стали самым массовым (сезонным) компонентом рабочей силы в колонии («для жнитвы, таски снопов, при молотильнях, утаски глины на кирпичи и проч.»). При Врангеле их было 161 человек из 210 рабочих. Необходимо было оказывать им пособие, так как без их помощи невозможно было бы вести многие сельскохозяйственные работы. В то время, в отличие от получающих жалование или поденную оплату русских, креолов и алеутов, индейцы-сезонники получали только пищу и иногда одежду. В пищу им отпускалась «одна мука для кашицы: от этой скудной пищи при усиленных работах индейцы приходят под конец в крайнее истощение!» (слова Врангеля).

Тем временем в отношениях с индейцами обозначились серьезные проблемы. В начале 1830-х годов их стали пригонять силой на полевые работы. К концу 1830-х годов рядом с крепостью уже сложилось индейское поселение, пополняемое каждое лето пригнанными аборигенами. Там проживало несколько сот человек. Наблюдавший это в 1833 г. Ф.П. Врангель отмечал: «От худой пищи и ничтожного платежа индейцы перестали приходить в селение для работы, от чего контора нашлась принужденною отыскивать их в тундрах, врасплох нападать, связывать руки и пригонять в селение, как скот на работу: таковая партия в 75 человек мужчин, женщин и детей приведена была при мне в селение с расстояния около 65 верст отсюда... само собою разумеется, каковы со временем должны быть последствия подобных поступков с индейцами и друзей ли мы в них себе наживаем?». Врангель считал, что «не только человеколюбие, но и самое благоразумие требуют, чтобы индейцев приласкать более»¹³. Для беспокойства были все основания. Если до начала 1830-х годов случавшиеся конфликты между индейцами и колонистами (убийство алеутов и лошадей) представляли собой мелкие, единичные и сугубо частные инциденты, то уже в 1832 г. обстановка в окрестностях Росса впервые серьезно обостри-

лась. Разгром весной того года католической миссии Сан-Рафаэль восставшими индейцами произвел впечатление и на местных индейцев. Беглые из миссии рассказывали им о своих планах разгромить все миссии на северном берегу залива Сан-Франциско, «а потом попробовать счастье, не могут ли с русскими сделать то же». Случившееся в это время убийство топором индейца-караульного и его жены еще более обострило обстановку. Не дожидаясь результатов расследования, родичи убитой женщины, узнав, что в этом деле замешан алеут, стали стрелять *компанийских* лошадей в горах. Последовали поиски и арест виновных. Правда, на этом все и закончилось; но аборигенов становилось все труднее рассматривать как союзников.

Меры по увеличению довольствия индейцев, принятые Врангелем, в 1835 г. дали кратковременный эффект. На уборку хлеба добровольно явилось около 200 человек индейцев. Но это продолжалось недолго. Уже в конце 1830-х годов регулярная «охота» на индейцев в период жатвы стала нормой. По свидетельствам современников, она выглядела следующим образом. К индейцам за несколько недель до жатвы посылали толмачей-разведчиков с приглашением, когда же индейцы отказывались идти добровольно, толмачи, запомнив место стоянки, быстро возвращались, и конный отряд во главе с правителем глубокой ночью, стреляя в воздух, внезапно нападал на спящих индейцев и вязал женщин; мужчины присоединялись сами по пути. За работу, помимо пищи, индейцам могли давать по несколько ниток бисера, рубашку, иногда – одеяло. Несмотря на примененное насилие, индейцы не пытались бежать. Так, есть описание случая, когда 250 недовольных индейцев, все же работали под надзором четырех (!) русских¹⁴.

К 1838 г. отношения с индейцами еще больше ухудшились. Они истребляли скот, а с русской стороны существовало предписание всеми мерами не упускать виновных, «избегая напрасно только пролития крови, но без послабления, дабы впоследствии не быть ими же вынужденным к крутым средствам против таких врагов». Пойманных нарушителей высылали в Ново-Архангельск. Это делалось для того, чтобы другие индейцы знали, что их ждет в случае неповиновения. Следует отметить, что в подобных ситуациях калифорнийские испанцы поступали с индейцами более жестоко.

Дальнейшая судьба калифорнийских индейцев оказалась в руках нового владельца. Им стал мексиканский швейцарец Джон Саттер – в 1841 г. колония была продана ему за 42 857 рублей серебром.

Проследив за ходом событий в Калифорнии, можно сделать следующие выводы.

1. Русская колонизация в основном носила мирный характер. Это подтверждается документально в инструкциях главного правителя РАК, а также в документах, оставленных современниками событий.

2. Осторожные действия на незнакомой территории объясняются довольно просто. Прежде всего, не хватало людей для осуществления более жесткой политики. Исходя из этого обстоятельства, приходилось строить отношения по принципу сотрудничества.

3. Взаимный экономический интерес был стимулом к налаживанию добрососедских отношений, но только на начальном этапе колонизации. Впоследствии «пригоны» индейцев на работу лишь ухудшали ситуацию.

4. Важную роль сыграл международный фактор. Присутствие испанцев и постоянная угроза с их стороны делали русских колонизаторов более привлекательными в глазах индейцев. С другой стороны, нежелание портить отношения с Испанией наложило свой отпечаток на политику «заступничества» русских.

Таким образом, мы видим, что особенности русской колонизации обусловлены целым комплексом обстоятельств политического, экономического и психологического характера.

Примечания

¹ Васильев Л.С. История Востока: в 2 т. М.: Высш. шк., 2003. Т. 2. С.16.

² Болховитинов Н.Н. История Русской Америки. 1732–1867 гг.: в 3 т. М., 1999. Т. 2. С. 224.

³ Там же. С. 230.

⁴ Там же. Ссылка на документ. С. 220.

⁵ Там же. С. 222.

⁶ Там же. С. 223.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 224.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 226.

¹¹ Русская Америка в «Записках» Кирилла Хлебникова. М.: Наука, 1985. С. 95.

¹² Болховитинов Н.Н. Указ. соч. С.219.

¹³ Там же. С. 214.

¹⁴ Там же. С. 217.

Е.В. Карецкая

ПОЛЬСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ В НАРЫМСКОМ КРАЕ (НАЧАЛО XX В.)

Нарым был основан русскими землепроходцами в 1597 г. Местом политической ссылки эта территория стала с того момента, когда сюда начали отправлять на поселение участников крестьянских восстаний под руководством С. Разина и Е. Пугачева, затем участников декабрьского восстания 1825 г. Гнали партиями в Сибирь и участников польских восстаний 1830 г. и 1863–1864 гг. Тысячи ссыльных поляков были размещены на территории Томской губернии. Многие из них умерли, не выдержав тяжелых условий, другие бежали или уехали после отбытия срока ссылки, небольшое число попало под амнистию 1883 г., некоторые же, из числа наиболее